

Проводив Цзяожэня, она вернулась тем же путём, по дороге расспрашивая о происхождении древней гробницы, через которую когда-то провалилась, изучая различные сокровища, что тогда загребла, и еще несколько раз заново спускалась в древнюю гробницу, даже дожидаясь того же месяца и дня следующего года, но в итоге ничего не произошло. Девушка Су так и не нашла способ вернуться домой.

Этот Цзяожэнь и впрямь был тем еще вещуном... Когда все попытки потерпели крах, Су Эр страшно захотелось отправиться на море к тому Цзяожэню: кроме как прийти на встречу, девушка Су совершенно не знала, чем ей еще заняться. Расставшись с Цзяожэнем, она вдруг осознала, что больным был не только он один.

Когда она поначалу засомневалась, не попала ли в другой мир, Цзяожэнь внезапно выскочил из озера, притащив за собой чудовище и целую кучу неприятностей, и подкинул ей задачу, которую обязательно нужно было выполнить, позволив ей невозмутимо пережить первые дни. Но стоило ей покинуть Цзяожэня, как девушка Су оказалась совершенно неспособна влиться в этот мир.

Она была воровкой с противоестественными игровыми навыками, способной убить человека за десять шагов и раствориться вдали без следа на тысячи ли. Если бы она была одна, в этом мире не нашлось бы места, куда она не осмелилась бы сунуться, и, пожалуй, не было бы опасности, от которой она не смогла бы сбежать. Но её инвентарь был до отказа забит диковинными сокровищами и хранил тайну перемещения сквозь миры, и кроме привязанного к ней с самого начала Цзяожэня, она вовсе не желала общаться с другими людьми, не хотела заводить никаких связей с людьми из этого мира.

Неспособность влиться, неспособность доверять — интересно, как по-научному называется эта ее хворь?

Вот так Су Эр и ступила на путь следования данному обещанию.

Путешествуя в одиночку, она передвигалась гораздо быстрее, чем когда они шли вместе с Цзяожэнем. Выйдя в путь в то же самое время, она прибыла к морю ровно на месяц раньше срока. В такую пору Цзяожэнь наверняка все еще находился в глубинах океана... А вдруг он уже и не помнит об этом уговоре? Если его стокгольмский синдром вдруг исцелился, и из домашнего питомца он превратился в сугубо дикого зверя, что делать, если он не явится с ней встретиться?

На сердце у Су Эр было немного тревожно. Добежав до места и даже зная, что назначенный день еще не настал, она все равно сначала отправилась побродить по причалу рыбацкой деревни.

Среди бела дня рыбаки уже давным-давно вышли в море, а те, кто был в море, еще не вернулись домой. На причале сидел лишь один-единственный рыбак в бамбуковой шляпе и соломенном плаще, погруженный в задумчивость. Су Эр подошла ближе; ее шаги были бесшумными, так что она совсем не потревожила его. Чтобы ненароком не испугать человека,

когда до него оставалось еще шага два, эта девица кашлянула, собираясь заговорить, как вдруг тот резко обернулся, и его бирюзовые глаза вмиг вспыхнули, словно зажженный огонек лампы.

— Су Эр! — сорвавшись с места, этот человек в два шага оказался перед ней, с радостным видом собираясь схватить ее за руку, но тут же нерешительно замер, не смея прикоснуться. — Ты... ты пришла!

Су Эр протянула руку, перехватила его ладонь и, опустив голову, глуховато произнесла:

— А ты ведь помнишь меня.

Цзяожэнь в нерешительности тоже опустил голову, пытаясь разглядеть ее выражение лица, а когда это не удалось, смущенно проговорил:

— Да как я мог забыть.

Помедлив мгновение, он крепко сжал руку Су Эр и воодушевленно предложил:

— Поплывем со мной в море, ладно? Я покажу тебе, я приготовил для тебя столько подарков!

Су Эр послушно последовала за ним, позволяя увлечь себя в пучину. В прозрачной морской воде были прекрасно видны естественная, идущая из глубины сердца улыбка на лице Цзяожэня и разительное отличие от той вечно плаксы, которую она знала прежде; всё это казалось Су Эр таким непривычным.

В ее воспоминаниях Цзяожэнь был совсем маленьким, он вечно лежал или стоял на коленях, снизу вверх вглядываясь в нее, словно дитя, стоило чуть-чуть обидеть которое, как оно тут же расплакивалось. Но стоявший перед ней инородец был выше ее на полголовы, и в его чертах не осталось ни малейшего следа юношеской детскости. Хотя лицо его все еще выглядело молодыми, и голос, и манеры уже несли в себе печать умудренной годами зрелости.

Отпустить его домой и правда было правильным решением — шкала озлобления девушки Су изрядно очистилась под лучами счастливой улыбки красавца. Цзяожэнь привел ее в свою сокровищницу — пещеру в подводной скале — и принялся по очереди показывать ей сундуки с золотом, драгоценностями, а также легкую, прекрасную ткань жэньюй, что не намокала в воде. Он сваливал все это в ее руки, требуя непременно увидеть, как она заставляя эти вещи исчезнуть прямо из воздуха, и лишь тогда успокоился.

Он вытащил Су Эр на торчащий из воды риф, но так и не выпустил ее руку. Су Эр задумчиво посмотрела на их переплетенные пальцы, а затем вопросительно взглянула на Цзяожэня, отчего синеволосый инородец густо покраснел и отвел взгляд.

— Я... я все боялся, что ты не придешь за мной, и думал, что мне придется вечно ждать тебя

здесь...

Хоть он и отвернулся, Цзяожэнь так и не выпустил руку Су Эр.

— Я вспомнил свое имя... Меня зовут Чжань Цзюнь. Я... вообще-то раньше вовсе не был таким бесполезным, как тебе запомнилось. В открытом море я... тоже неплохой охотник. Могу поймать крупную вкусную рыбу... могу сражаться с акулами и гигантскими осьминогами, защищая свой дом...

Он держал Су Эр за руку и, покраснев, приложил ее ладонь к тому месту, где его человеческое тело переходило в рыбий хвост.

— Смотри... я уже стал намного сильнее, чем тогда. Пройдет еще два года, и я смогу плавать еще быстрее, нырять еще глубже... Су Эр молча коснулась ледяного живота цзяожэня. То, что прежде было белым и мягким, теперь обрело чёткие очертания пресса, а на ощупь стало плотным и твёрдым — пожалуй, куда аппетитнее, чем в прошлые дни... Су Эр даже слегка увлеклась и никак не могла остановиться.

Красавец покраснел ещё сильнее. Смущённый этими прикосновениями, он изо всех сил старался не двигаться и запинаясь промолвил:

— Ты хороший человек...

Про себя Су Эр подумала: в такой романтической обстановке — и сразу от ворот поворот! Разве так поступают люди?

Она молча втянула пальцы обратно, но цзяожэнь тут же решительно перехватил её руку и, продолжая смущаться, сбивчиво продолжил:

— ...и ты никогда меня не обманывала...

Про себя Су Эр подумала: как же больно! Снова удар в самое сердце! Быть может, ты считаешь это похвалой, но коварный человеческий ум видит здесь лишь злую иронию!

Красавец, что ты вообще творишь!

Цзяожэнь крепко прижал руку девушки к себе, до такой степени нервничая, что совершенно не заметил, как Су Эр окаменела.

— Послушай, я уже не такой бесполезный, как раньше... Если я всё так же хочу идти за тобой, ты... ты позволишь...

Он попытался снова, и Су Эр с замиранием сердца уставилась на него, страшась услышать очередную нелепую фразу.

К счастью, на этот раз слова цзяожэня прозвучали как надо.

— Ты... не станешь считать меня обузой? Сможешь ли... принимать меня как равного? Я хочу быть с тобой, но не согласна оставаться лишь забавной игрушкой, которую ты содержишь ради развлечения... Этот подтекст Су Эр поняла, и на душе у неё всё же было очень радостно, но она не удержалась и спросила:

— А если я скажу нет, что ты будешь делать?

Цзяожэнь изо всех сил сжал её руку, и в одно мгновение вновь превратился в того растерянного и испуганного беднягу, к которому она так привыкла в прошлом:

— Я... я...

Краснота на его лице быстро схлынула, перебравшись прямо на покрасневшие глаза — подумать только, в считанные минуты скатился к своему истинному облику.

— Тогда, когда у тебя будет время... приходи к морю проводить меня... если тебе понадобятся какие-нибудь сокровища... я всё отыщу на дне морском... а ещё через два года... я смогу...

А ведь уверял, что по характеру вовсе не плакса, — Су Эр мысленно презрительно фыркнула, совершенно не коря себя за собственное скверное поведение. Она в ответ крепко сжала обе руки цзяожэня, подалась вперед и поцеловала его слегка подрагивающие губы.

— Ну всё, чур не плакать, — покраснев, властно и дерзко произнесла девица Су. — Я такая сильная, что твоя ноша мне не в тягость. Пойдём со мной, красавчик, уж я тебя не разочарую!

Когда ложь повторяешь слишком часто, редко удаётся вложить в неё искренность.

У И Мина изначально не было имени. Когда он встретился со своим хозяином, юная госпожа бросила в шутку:

— Да ты бы лучше назвался И Мином... Тогда он еще не умел читать и не разумел книг, а потому наивно полагал, что И Мин — это имя, которое прелестная госпожа даровала ему. Она сказала, что ее зовут Су И, и он, услышав это, воображал, будто получил заветный иероглиф из имени самой хозяйки.

Если бы она дала ему это имя после нескольких дней совместной жизни, он бы, пожалуй, несказанно обратился. Но они тогда только-только встретились. Он думал, что его непременно забьют до смерти, а она выкупила его у торговца, препиралась с тем торговцем из-за него и заказывала для него лекарства у лекарей.

Неужели она хотела приручить его и сделать своим смертником? Одета в столь изысканное платье, она протянула руку, чтобы поддержать его, когда он едва не упал, и позволил ему испачкать ее рукав. И ведь то платье стоило во много раз больше, чем он сам.

И хотя на лице хозяйки не было радости, движения ее оставались мягкими. Усадив его, она подарила ему имя. Когда И Мин опустился на колени, благодаря за милость, он твердо решил: раз она так отнеслась к нему, то что бы она ни велела ему сделать и какой бы страшной ни была смерть, он все равно исполнит это ради нее.

Позже он понял, как глуп был. Когда хозяйка велела ему учиться грамоте, она объяснила, что И Мин — это всего лишь другое выражение для «безымянного», того, чье имя неизвестно. И ее

иероглиф И, и дарованный ему И звучали одинаково, но писались по-разному. Она даже извинилась перед ним и пообещала подобрать нормальное, красивое имя. Ему не нужно было менять имя. Это имя звучало так, будто его придумала сама Су И. Иметь такое имя в этой жизни уже было величайшим счастьем, и прекраснее него не нашлось бы во всем мире.

Госпожа совершенно не походила на всех остальных людей, которых он встречал раньше. Хотя она любила подшутить и ей нравилось наблюдать, как он смущается и теряется, она относилась к нему безумно хорошо. Она не только не побоялась испачкать одежду, когда поддержала его, но и сама протирала его тело, накладывала лекарства, кормила и шутила с ним.

Почему же она так хорошо к нему относилась? Это казалось невероятным, словно она видела в нем такого же человека, как она сама. В первые дни он, движимый своей низостью, даже гадал: быть может, госпожа и сама когда-то была рабыней, а он сам того не зная оказал ей огромную услугу, и именно поэтому она так унижается до заботы о нем?

Конечно, очень скоро он понял, что госпожа никоим образом не могла происходить из низов. Стоило ей убрать в сторону то платье, в котором они встретились, и переодеться в обычные крестьянские одежды, как даже эта мягкая, на его взгляд, ткань оставляла красные следы на ее белоснежной коже. И хотя она ухаживала за ним, было очевидно, что она совершенно не привыкла прислуживать другим.

Интересно, какую цену придется заплатить за такую нежность и доброту? Он чувствовал, что наслаждается тем, что ему вовсе не принадлежит, и одновременно испытывал страх и непреодолимую жадность. Позже стражник притащил его в уездную управу и стал пытаться выведывать вести о хозяине. На самом деле он ничего не знал, но раз они допытывались — неужели хозяйка и впрямь ускользнула? Те люди били его плетями, загоняли бамбуковые лучины под ногти... Тело пронзала боль, но тревога в сердце лишь утихала.

Если такова цена, которую ему предстояло заплатить, он считал её вполне оправданной. Ему было невдомек, где она скрывается, однако он не позволил бы тем, кто жаждал схватить её, услышать из его уст хоть слово о ней! Ни единого звука, даже простое «не знаю» заставило бы его почувствовать себя предателем госпожи.

Он никогда прежде не был столь преданным слугой. Случалось, хозяева, перепродавая его, заявляли, что он от рождения наделен бунтарским нравом, а тот работорговец, что грозился забить его до смерти, на самом деле просто не смог справиться с его строптивым характером и получил отпор, когда попытался применить силу.

У его самого первого хозяина была лишь одна-единственная горячо любимая дочь. Боясь, что после его смерти девочку обигут, он с малых лет тщательно обучал нескольких рабов, следил, чтобы они были сытыми и крепкими, а еще нанял людей обучить их боевым искусствам.

Тогда он искренне хотел стать верным псом и отдать жизнь за защиту госпожи. Но стоило старому хозяину умереть, как барышня по наущению мужа избавилась от них, продав чужим людям лишь потому, что, по ее мнению, покойный отец тратил на слуг больше душевных сил, чем на нее, законную дочь.

Как же смешно: она даже не подозревала, какими лишениями оборачивались те часы, пока она

беззаботно вышивала в своих покоях, и сколько детей из тех слуг давным-давно обратились в прах.

Его нрав и прежде не отличался кротостью, как у других рабов, к тому же он уродился высоким, сильным и владел боевыми искусствами. Вот почему, даже когда господа притесняли слабых, он норовил вмешаться и заступиться за обиженного. После нескольких перепродаж его положение становилось все хуже, но он наотрез отказывался снова служить кому-либо псом. Жизнь его стоила грош, и если бы его однажды забили до смерти, закрыв глаза, он, пожалуй, не испытал бы больших мук, чем при жизни.

Но хозяйка... Су И... была слишком добра к нему. Он принадлежал ей целиком, и отблагодарить ее было нечем, оставалось лишь подражать самым покорным и верным слугам, беспрекословно повинаясь ее воле. Если бы выдался день, когда он смог бы отдать ей свою жизнь, эта жизнь обрела бы высший смысл.

И потому он ужасно, до дрожи боялся хозяйки — страшился, что она сочтет его обузой и тоже продаст, не позволив отплатить за добро. Вот почему в уездной управе, несмотря на страшную боль во всем теле, на душе у него было спокойно: даже если эти палачи забьют его до смерти, он выполнит долг перед госпожой и умрет ее рабом.

Кто бы мог подумать, что хозяйка явится спасти его!

Зачем же она не убежала?! Безымянный от испуга сорвался, прежний смиренный нрав мигом улетучился, не оставив и следа от бывшей покорности. Однако госпожа не стала его упрекать и даже призналась, что уже выбралась из города, но вернулась ради него одного, а потом велела наступить ей на плечо, чтобы перелезть через стену.

Все прежние сомнения и тревоги обратились в жгучее, тягостное чувство: долг перед ней не искупить смертью, сколько бы суровых пыток ни выпало на его долю... Почему он всего лишь никчемный раб, чья ценность ниже крошечного ожерелья на ее шейке?!

Он ненавидел себя за то, что ничем не может ей помочь и служит лишь обузой.

Во время побега он наконец-то принес пользу, заслонив ее от удара клинка.

Хозяйка плакала по нему, просила прощения и говорила, что втянула его в беду. Безымянный вдруг вспомнил свои тайные мысли, когда госпожа только нарекла его именем: оказывается, она и не помышляла делать из него верного пса для собственных нужд, а он сам терзался оттого, что у него нет шанса сгинуть за нее!

Но кое-что он все-таки мог сделать... Хозяйка спросила, любит ли он ее, есть ли у него любимый человек.

Прежде Безымянный никогда не задумывался об этом, да и не смел. Любит ли? Те мягкие руки, когда она смазывала его раны, порой случайно касались его тела, и это мимолетное прикосновение заставляло его трепетать, а сердце замирало в томительном ожидании — пусть ее пальцы задержатся хоть на мгновение дольше.

Хозяйка была недостижима для него, но когда она задала вопрос, Безымянный вдруг понял, что в его душе зреет дерзкое и непреодолимое желание. Если бы позволили обстоятельства, он ответил бы, что любит, но с губ сорвалось лишь признание в собственном недостатке.

Впрочем, до конца своих дней он ни за что не сойдется ни с одной женщиной, ведь... в конце

концов, хозяйка так добра к нему...

Строго говоря, это неправильно... Если бы кто-то узнал о поступках госпожи по отношению к нему, поползли бы грязные слухи, пострадала бы ее репутация, и дальнейшая жизнь была бы омрачена. Если бы в прошлом до него дошло, что какая-то хозяйка путается со слугой, он бы и сам втайне презирал эту женщину, считая легкомысленной и развратной.

Но его госпожа была столь прекрасна — пожалуй, ею двигало лишь природное озорство да ребячливый нрав, а от непонимания сути... она просто испытывала любопытство к плотским утехам. Постыдным здесь был он сам: ведь следовало оставаться верным долгу и говорить прямо — даже если бы хозяйка разгневалась. Но он упивался этой крохой тепла и нежности, и каждый раз...

Поскольку он всегда поддавался на ее уговоры, хозяйка передела его в простую крестьянскую одежду из грубой ткани и принялась обучать грамоте. И это было еще не все: вскоре после спасения, когда он заслонил ее от удара мечом, госпожа раскусила его тайну.

Хозяйка спросила:

— Ты ведь раньше занимался боевыми искусствами?

По правде говоря, рабам запрещено постигать боевые искусства, ибо, став сильнее обычных людей, они утрачивают покорность. И это мнение во многом верно: если не считать нынешней госпожи и старого хозяина, воспитывавшего его, он действительно был нравом бунтарен и строптив.

Безымянный в тревоге опустил голову, не смея лгать, и честно ответил:

— Да.

Он и не думал, что хозяйка все же обратит внимание на проявившуюся прежде истинную сущность. Она с улыбкой спросила:

— Я тут вспомнила: тот человек, что продал тебя мне, был так зол и утверждал, будто ты дерзил ему. А ведь ты всегда выглядел таким безответным, я даже поначалу не верила...

На этих словах хозяйка внезапно умолкла. Безымянный машинально поднял голову, желая заглянуть ей в лицо, но заметил лишь лукавую улыбку в уголках ее губ — словно она нарочно прервала речь, ожидая, пока он посмотрит на нее. Продолжив, она произвела:

— А сегодня, глядя, как ты действуешь, я поняла, что у тебя есть собственный ум. Скажи-ка, чем ты тогда обидел того работорговца?

Хоть Безымянному и незнамо было само слово работорговец, он сразу сообразил, о ком идет речь. Лицо госпожи по-прежнему озаряла улыбка, но сердце его рухнуло вниз.

— Он... он хотел погубить...

Безымянный не смог договорить. Тот торговец хоть и покушался на незащитного ребенка, но каким бы крошечным ни был тот малыш, он оставался всего лишь рабом. Тот человек... с какой стороны ни посмотри, не совершил ничего предосудительного, разве что проявил небрежение к собственному имуществу — ведь рабы не считались людьми, они были лишь скотиной на двух ногах.

Хозяйка испуганно замерла, широко распахнув прелестные глаза.

Безымянный, запинаясь, принялся оправдываться:

— Г-госпожа! Ничтожный... хотя и дерзил тому человеку, но никогда не позволил бы себе проявить неуважение к вам!

— Почему?! — тут же допытывалась хозяйка, слегка замявшись. — Потому что я женщина?

Безымянный поначалу не уловил, к чему клонит госпожа, и они молча смотрели друг на друга в полном недоумении. Внезапно до него дошло: только что он не пожелал произносить при ней мерзкие и грязные слова, а потому оборвал фразу на полуслове — неужели хозяйка решила, будто тот негодяй домогался его самого?!

Что же он тогда сказал? «Не посмею послушаться госпожи» — не звучало ли это так, будто он согласен... Лицо раба мгновенно вспыхнуло, от кончиков ушей до самого ворота кожа запылала жаром.

— Нет-нет! Ничтожный имел в виду, что тот изверг замышлял злое против ребенка, а... как он вообще может равняться с хозяйкой!

Выслушав его сбивчивые речи, госпожа нахмурилась и помолчала немного, а затем вдруг прыснула со смеху. Словно забавное смущение юноши позабавило ее, она протянула руку, и ее прохладные пальцы коснулись его пылающих щек, а в голосе послышался многозначительный протяжный лад:

— Ох... Похоже, ты послушен мне лишь потому, что сам этого хочешь.

Безымянный в ужасе собрался опуститься на колени, но госпожа удержала его за плечо, строго бросив: «У тебя же раны, не дури», так что ему пришлось выпрямить спину и произнести с предельной серьезностью:

— Хозяйка, жизнь ничтожного принадлежит вам, прикажете умереть — и я исполню это по собственной воле!

Услышав столь исток клятвы верности, хозяйка вроде бы повеселела, но все же не преминула подразнить его:

— А если я велю тебе притеснять слабых?

Госпожа... как она могла помыслить о подобном? Будь она столь дурным человеком, Безымянный никогда не предал бы ее столь беззаветно. И раз уж она спросила, он не мог отделаться пустой ложью — пусть даже это рассердит хозяйку, услаждать ее слух фальшью он не станет.

— Если... если в один прекрасный день ничтожный воспротивится вашей воле, то руки хозяйки не обогрятся кровью, я сам покончу с собой.

— Тц, — хозяйка предсказуемо надула губки. — Звучит красиво, а если перевести на обычный язык — «осмелишься заставить меня сделать дурное, и я умру у тебя на глазах»?!

Безымянный насупился, лоб его покрылся бисером пот, и он совершенно не представлял, как ответить на эти слова, но тут госпожа снова тихо рассмеялась.

К нему прижалось нежное, источающее легкий аромат девичье тело, изящные красивые пальцы скользнули за ворот его одежды... Хозяйка! Раб густо покраснел и попытался отпрянуть, собираясь высказать предостережение... ведь подобное запятнает честное имя госпожи, но от ее ногтей по телу пробежала дрожь.

— Хозяйка... не надо... — промолвил Безымянный и тут же понял, что слова путаются во рту и о каком-либо вразумлении не может быть и речи.

Глава 16. Теневой страж мира женщин-правительниц (1)

— Идем со мной, красавец, я не обижу тебя!

Не успел сон дойти до развязки, как раздался знакомый звонок будильника. Наваждение рассеялось, и Су Бай мгновенно очнулась. Лежа в постели, она заторможено перебирала в памяти события недавнего сновидения о цзяожэне, чувствуя, как на душе скребутся сомнения.

Буквально накануне ей снилось, будто она перенеслась в древние времена и покупала раба. Право слово, удивительное дело: Су Бай крайне редко видела столь стройные, детальные и сюжетные сны, где у героев были даже четкие характеры.

Если проводить в таких грезах каждую ночь, это изрядно подпортит качество сна. Продолжись подобное и дальше, ей определенно стоило бы навестить врача и выписать успокоительное для мозга, но расставаться со сновидением почему-то не хотелось.

Эти два сна увлекательнее любых романов или кинокартин, да и степень погружения в них не идет ни в какое сравнение с книгами или фильмами.

<http://bllate.org/book/22286/2333738>